

СЕРГЕЙ ТИМИН

ЛЕЙТЕНАНТ ГРОМОВ

НАЗАД В 1980

ДЕТЕКТИВ • ПОПАДАНЕЦ В СССР

Сергей Тимин

Лейтенант Громов. Назад в 1980

«Автор»

2026

Тимин С.

Лейтенант Громов. Назад в 1980 / С. Тимин — «Автор», 2026

Глеб Самарин, бывший опер МУРа, находит в вещах покойного отца старое уголовное дело. В августе 1980 года в уральском городке пропала его тётя Таня, семнадцатилетняя девчонка с фотоаппаратом. Главный подозреваемый, молодой лейтенант милиции, в ту же ночь утонул под Старым мостом. Глеб едет туда, срывается с того самого моста и просыпается 19 июля 1980 года в теле этого лейтенанта. Олимпиада, квас по три копейки, живые бабушка и дед, десятилетний отец. И ровно три недели, чтобы найти настоящего убийцу и не утонуть самому.

© Тимин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Папка с тесёмками	5
Глава 2. Чужое лицо	8
Глава 3. Добрый капитан	11
Глава 4. Улица Мира, двенадцать	14
Глава 5. Апельсины для сторожа	17
Глава 6. Водонапорная башня	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Тимин

Лейтенант Громов. Назад в 1980

Глава 1. Папка с тесёмками

Отец умер в марте, а папку я открыл только в июле. Четыре месяца она лежала у меня на антресоли, между коробкой с ёлочными игрушками и сломанным пылесосом. Серая, картонная. На обложке шариковой ручкой, отцовским почерком с наклоном влево: «Таня».

Мне казалось, я знаю, что там.

В нашей семье о тёте Тане не говорили. Была фотография на серванте у бабушки: девчонка лет семнадцати, чёлка, смешные уши, на шее фотоаппарат. Бабушка протирала рамку каждое утро, как другие протирают икону. Если я спрашивал, она уходила на кухню и начинала греметь кастрюлями. Дед вообще молчал. Он умер, когда мне было шесть, и я помню только его руки, пахнущие машинным маслом.

Отец пил. Не до канавы, а тихо, по-уральски, с достоинством. Бутылка в неделю, потом две. Сердце сдало в пятьдесят пять. На поминках его друг, дядя Женя, выпил третью рюмку и сказал мне в коридоре:

- Он из-за Таньки такой был, Глеб. Всю жизнь себя грыз. Ему десять лет было, а грыз себя, будто взрослый мужик не уберёт.

Я кивнул. Я тогда много кивал.

В июле жена, бывшая жена, увезла Соньку на море, и квартира стала гулкой, как спортзал после уроков. Я работаю в службе безопасности банка. До этого двенадцать лет был опером на земле, потом в МУРе. Ушёл, когда понял, что начинаю разговаривать с потерпевшими тем же тоном, что с задержанными. Сейчас ловлю сотрудников, которые сливают клиентские базы. Скучно, зато никто не стреляет.

В пятницу вечером я достал папку, налил себе чаю и сел на кухне.

Внутри были ксерокопии. Бледные, с серыми разводами. Уголовное дело номер такой-то, возбуждено одиннадцатого августа тысяча девятьсот восьмидесятого года Нижнереченским ГОВД Свердловской области. По факту безвестного исчезновения Самариной Татьяны Павловны, шестьдесят третьего года рождения.

Отец, видно, раздобыл копии в девяностые, когда за бутылку коньяка в архиве можно было взять хоть дело Кирова. Я представил, как он сидит над этими листами, трезвый, с сигаретой, и мне стало нехорошо.

Я читал медленно, как привык на работе. Сначала протоколы, потом справки, потом всё остальное.

В ночь с девятого на десятое августа Таня ушла из дома и не вернулась. Последний раз её видели около десяти вечера у Дома культуры. Мать, моя бабушка Нина Григорьевна, подняла тревогу утром. Искали две недели. Водолазы, собаки, дружинники, весь завод «Импульс» прочёсывал лес. Не нашли ничего.

А утром десятого августа под Старым мостом через реку Нижняя Реча выловили тело лейтенанта милиции Громова Алексея Николаевича, двадцати пяти лет, инспектора уголовного розыска того же ГОВД.

Я перечитал эту строчку дважды.

Акт вскрытия: утопление, в крови алкоголь, средняя степень опьянения. Ссадина на затылке, «вероятно, получена при падении с моста о сваю». Опись вещей: удостоверение, ключи, тридцать восемь копеек, наручные часы «Полёт», остановились в три часа сорок минут. И заколка для волос в виде бабочки, металл, синяя эмаль.

Бабушка опознала заколку. Танина. Подарок на выпускной.

Дальше всё было очень гладко. Слишком гладко, сказал бы я, если бы это дело положили мне на стол. Показания двух свидетелей о том, что лейтенант Громов «проявлял к Самариной нездоровый интерес». Характеристика с места службы: «замкнут, склонен к нарушению дисциплины». Рапорт о том, что вечером девятого Громов купил в гастрономе бутылку водки. И заключение: имеются основания полагать, что исчезновение Самариной связано с действиями Громова, который, будучи в состоянии опьянения, совершил в отношении неё преступление, после чего погиб в результате несчастного случая. Дело приостановить в связи со смертью подозреваемого.

Внизу подпись. Начальник уголовного розыска Нижнереченского ГОВД капитан милиции С. И. Бородин.

Размашистая, уверенная, с завитушкой на букве «Б».

Я закрыл папку и долго сидел, глядя на холодильник. На холодильнике висел Сонькин рисунок: кот в сапогах, почему-то зелёный.

Мне не понравилось это дело. Сразу и целиком. Двадцатипятилетний лейтенант, который напился, убил девчонку, спрятал тело так, что его не нашли сто человек с собаками, а потом аккуратно упал с моста. С её заколкой в кармане. Как с визиткой.

Я слишком много лет проработал на земле, чтобы верить в такие подарки.

В понедельник я взял отпуск.

До Нижнереченска от Екатеринбурга три часа на автобусе. Городок оказался таким, какими бывают все уральские городки, которые когда-то строили вокруг завода. Пятиэтажки, сталинский квартал, Дом культуры с облупленными колоннами. Завод «Импульс» закрылся в две тысячи девятом. Теперь в его корпусах продавали шины и стройматериалы.

Я снял номер в гостинице «Уют» и пошёл гулять.

Бабушкин дом я нашёл быстро. Улица Мира, двенадцать. Двухэтажный барак, обшитый сайдингом, с тарелками спутниковых антенн. Здесь жили дед, бабушка, Таня и маленький Витька, мой отец. Я постоял у подъезда.

Дом культуры имени Гагарина стоял на площади, как и сорок лет назад. От него до реки было минут десять пешком. Старый мост я нашёл в конце улицы Заводской. Железный, клёпанный, довоенный. С двух сторон его перегородили бетонными блоками, на блоках висела табличка: «Проход закрыт. Мост подлежит демонтажу». Ниже кто-то маркером дописал: «И вы тоже».

Нижняя Реча текла внизу, тёмная, быстрая, с воронками у свай. На том берегу темнел лес.

Я перелез через блок. Опер, даже бывший, всегда хочет посмотреть на место происшествия. Даже через сорок шесть лет. Это как зуд. Пока не встанешь там, где всё случилось, ничего не поймёшь.

Я дошёл до середины. Перила были низкие, мне по пояс. Старая краска слезала с них лохмотьями. Я перегнулся и посмотрел вниз. Метров восемь, не меньше. Вода у свай закручивалась воронкой.

Громов упал отсюда. Или его сбросили.

Если сбросили, то тот, кто это сделал, знал, что делает. Ударил по затылку, влил водку, может, заранее, может, уже бесчувственному. Сунул в карман заколку. Одним махом закрыл два вопроса: пропавшую девчонку и лейтенанта, который, вероятно, слишком много знал.

И подписал заключение красивой подписью с завитушкой.

Я простоял на мосту до темноты. Потом поужинал пельменями в гостиничном кафе, выпил сто граммов для сна, но сон не пришёл. Около двух ночи началась гроза. Настоящая, уральская, когда небо трескается пополам и вода льётся стеной.

Я лежал и слушал, как гром катается по крышам. И думал о бабушке, которая каждое утро протирала рамку. И об отце, который грыз себя пятьдесят лет за то, что в десять лет «не уберёт».

В начале четвёртого я оделся и вышел.

Сейчас я понимаю, что это было глупо. Взрослый мужик, бывший майор, в грозу идёт на закрытый мост. Но тогда мне казалось, что я должен быть там именно ночью. Именно в тот час, который показывали остановившиеся часы «Полёт».

Мост гудел под ногами. Вода внизу ревела. Молнии били где-то за лесом, и каждый раз мост вспыхивал белым, как на фотографии со вспышкой.

Я встал на то же место, у средней опоры. Достал телефон. Экран был мокрый, я вытер его о куртку.

03:39.

Я держался за перила и смотрел в воду. И думал: ну и что, Самарин? Что ты здесь нашёл? Ржавчину и сырость. Иди спать.

03:40.

Молния ударила совсем рядом. Так близко, что я почувствовал её кожей, как будто меня окатили горячей водой. Под рукой что-то хрустнуло. Перила, державшиеся на честном слове с тысяча девятьсот тридцать девятого года, просто ушли вниз вместе со мной.

Я помню короткий полёт. Помню, как холодная вода ударила в спину, будто доска. Помню, как меня потащило вниз, в воронку у сваи, и как я подумал, совершенно спокойно: вот и всё, как у Громова.

Потом была темнота.

А потом кто-то тяжёлый и тёплый сел мне на грудь и заурчал.

Я открыл глаза. Надо мной был потолок с жёлтым пятном в форме Австралии. Солнце било в окно сквозь тюль. На груди сидел огромный рыжий кот и смотрел на меня с глубоким презрением.

А из-за стены бодрый мужской голос по радио сообщал:

- Доброе утро, товарищи! Сегодня, девятнадцатого июля тысяча девятьсот восьмидесятого года, в Москве на Центральном стадионе имени Ленина состоится торжественное открытие Игр Двадцать второй Олимпиады!

Глава 2. Чужое лицо

Первые минут пять я лежал и ждал, когда проснусь по-настоящему.

Так бывает после наркоза. Мне однажды вырезали аппендицит, и я потом полчаса был уверен, что меня везут в автозаке на опознание. Мозг любит пошутить, когда его выключают и включают обратно.

Кот переступил лапами и продолжил урчать. Весил он килограммов восемь. Реальнее некуда.

Я осторожно поднял руку и посмотрел на неё. Рука была не моя. Моложе, тоньше, с белым шрамом на костяшках и обкусанными ногтями. Я свои ногти никогда не грыз. Даже в школе.

- Так, - сказал я вслух. Голос тоже был не мой. Выше, с хрипотцой. - Спокойно, Самарин.

Кот зевнул, показав розовую пасть, и спрыгнул на пол.

Комната была метров двенадцать. Железная кровать с шариками на спинке. Шкаф с зеркалом на дверце. Стол, накрытый клеёнкой в мелкий цветочек. На столе стакан с недопитым чаем, пепельница из консервной банки и стопка журналов «Советская милиция». На стуле висел китель. Серо-голубой, с лейтенантскими погонами.

Я встал. Пол качнулся, но устоял. Я подошёл к шкафу и посмотрел в зеркало.

Из зеркала на меня глядел парень лет двадцати пяти. Тёмные волосы, подстриженные коротко, по уставу. Узкое лицо, острый подбородок, усы. Жиденькие, но старательные, как у всех, кто в семидесятые хотел выглядеть старше. Глаза карие. Мои серые, а эти были карие, с жёлтыми точками.

Я поднял руку. Парень в зеркале поднял руку. Я скорчил рожу. Он тоже скорчил, и получилось глупо.

- Громов, - сказал я. - Алексей Николаевич. Здравствуй.

Я не сошёл с ума. Это я знал точно, потому что сумасшедшие в этом не сомневаются. А я сомневался во всём, кроме одного: я Глеб Самарин, мне тридцать девять лет, и я только что упал с моста в две тысячи двадцать шестом году.

Я сел на кровать и начал делать то, что делал всю жизнь на месте происшествия. Осматриваться.

В кармане кителя нашлось удостоверение. Красная корочка, фотография того самого парня, только без усов, печать. «Громов Алексей Николаевич, лейтенант милиции, инспектор уголовного розыска Нижнереченского ГОВД». Выдано в сентябре семьдесят девятого. Значит, служит здесь меньше года.

В другом кармане пачка «Явы», спички, ключ на верёвочке и сложенная вчетверо квитанция из прачечной. На столе лежали часы. «Полёт», с металлическим браслетом. Я взял их, и у меня похолодела спина.

Стрелки стояли на трёх сорока.

Я потряс часы, покрутил заводную головку. Секундная стрелка дёрнулась и пошла. Тик-тик-тик. Как будто ничего и не было.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату заглянула старушка в цветастом халате и платке. Маленькая, сухая, с лицом, как печёное яблоко.

- Алёша, ты живой? Я стучу-стучу. Там радио Олимпиаду объявляет, а ты спишь, как сурок. Маршал, брысь отсюда, опять человеку на голову лез?

Кот гордо удалился.

- Живой, - сказал я. - Доброе утро.

- Доброе. - Она прищурилась. - Ты чего такой белый? Пил вчера?

- Нет. Сон плохой приснился.

- А, это к дождю. - Старушка махнула рукой. - Чай на плите, оладьи на столе. Я на рынок. Кваса тебе взять?

- Возьмите, - сказал я и добавил на всякий случай: - Спасибо.

Она посмотрела на меня ещё раз, внимательно, как смотрят бабушки, и ушла. Хлопнула входная дверь.

Я нашёл на кухне оладьи и съел их все, штук восемь, со сметаной. Тело Громова хотело есть, как голодный подросток. На стене висел отрывной календарь. Верхний листок: «19 июля. Суббота. Восход 4.12, заход 21.06». Ниже было напечатано про какого-то революционера, родившегося в этот день.

Девятнадцатое июля. Таня исчезнет в ночь с девятого на десятое августа.

Я посчитал на пальцах. Три недели. Двадцать один день.

Потом я вышел во двор, потому что в комнате стало душно.

Двор был зелёный и шумный. Бельё на верёвках, лавочка, на ней две женщины в халатах лушили горох. Мальчишки гоняли мяч между сараями и орали друг на друга. Из открытого окна на первом этаже несло:

- Ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех!

У сарая стоял мотоцикл «Урал» с коляской, накрытый брезентом. Пахло сиренью, кошками и горячим асфальтом.

Я вышел на улицу. Табличка на углу сообщила: «ул. Октябрьская». Я знал эту улицу, в две тысячи двадцать шестом на ней был «Магнит» и салон сотовой связи. Сейчас там был магазин «Овощи-фрукты» с пустой витриной и очередь из пяти человек за чем-то, что привезли.

По улице ехал жёлтый автобус «ЛиАЗ», похожий на буханку. На остановке стояла женщина в кримпленовом платье. Мимо прошли две девушки в сарафанах, и одна из них мне улыбнулась. Точнее, улыбнулась она лейтенанту Громову. Я на всякий случай кивнул.

На углу стояла жёлтая бочка «Квас». Толстая продавщица в белом халате наливала в кружки. Я сунул руку в карман и нашёл мелочь.

- Маленькую, - сказал я.

- Три копейки, - сказала продавщица, даже не взглянув на меня.

Три копейки. Я отдал монету и выпил кружку. Квас был холодный, кислый и настоящий. У меня защипало в носу. Я не знаю почему. Наверное, от газа.

На стене Дома была висел плакат: улыбающийся медвежонок с олимпийскими кольцами на поясе. «Олимпиада-80. Москва». Под ним кто-то приклеил объявление: «Меняю двухкомнатную на две однокомнатные, с доплатой». Мимо прошёл мужик в майке-алкоголичке, с авоськой, в которой перекачивались три бутылки кефира с зелёными крышками.

Я смотрел на всё это и понимал, что не сплю. Сны так не пахнут. Во сне не бывает кефира с зелёными крышками.

Значит, так. Я в теле человека, которого через двадцать один день найдут мёртвым под мостом. Меня. Нас. В общем, найдут.

Я в городе, где живёт моя семья. Молодые. Бабушке сорок два. Деду пятьдесят. Отцу десять лет. А тёте Тане семнадцать, и она не знает, что у неё осталось три недели.

Я не знал, как я сюда попал. Не знал, надолго ли. Не знал, могу ли я что-то изменить или всё уже записано, как в той папке с тесёмками. Но я знал одно. Когда я только пришёл в розыск, мой первый наставник, Михалыч, сказал мне: «Самарин, запомни. Мы не знаем, почему люди умирают. Мы знаем только, кто им помог».

Я знал, что Тане помогли. И Громову помогли. Я только не знал кто.

Я вернулся домой, если это можно было назвать домом. Во дворе меня ждал сюрприз.

У подъезда, прислонившись к стене, стоял сержант милиции. Молодой, лопоухий, с веснушками на носу и фуражкой, сдвинутой на затылок. Рядом стоял жёлтый мотоцикл с коляской и надписью «Милиция». Сержант курил, пряча сигарету в кулак, по-солдатски.

Увидев меня, он выплюнул окурок и расплылся в улыбке.

- Алексей Николаевич! А я вас ищу! Стучу, стучу, бабка ваша на рынок ушла, кот в форточку смотрит, как прокурор. Вы где были?

Я понятия не имел, как его зовут.

- Квас пил, - сказал я.

- Квас! - Сержант хлопнул себя по коленке. - Там такое, а он квас пьёт. Семён Ильич велел вас срочно доставить, хоть из-под земли.

Семён Ильич. С. И. Бородин. Подпись с завитушкой.

- Что случилось? - спросил я, и голос мой прозвучал ровно. Спасибо двенадцати годам на земле.

- На «Импульсе» ночью сторожа избили. Игнатъича. Прямо у задних ворот. Его в больницу увезли, без памяти. А Лапин, замдиректора, говорит, ничего не пропало. Ну вы представляете? Человека чуть не убили, а ничего не пропало. Семён Ильич говорит, хулиганье. А Туманов злой, как собака, у него ж сегодня Олимпиада, а тут такое.

Он говорил быстро, как пулемёт, и мне это было на руку. Я узнал больше, чем за всё утро.

Я глянул на свои руки. На руки Громова. Потом на часы. Секундная стрелка бежала по кругу, как ни в чём не бывало. Одиннадцать ноль две.

- Поехали, - сказал я и полез в коляску.

Сержант удивлённо моргнул.

- Так вы ж всегда сзади ездите, Алексей Николаевич. Говорите, в люльке только покойников возят.

Я глянул на него снизу вверх.

- Сегодня, - сказал я, - я очень хочу покататься в люльке. Заводи.

Глава 3. Добрый капитан

Нижнереченский ГОВД помещался в двухэтажном здании из красного кирпича, бывшем купеческом доме. На фасаде висела доска с гербом, под окнами росли мальвы, а у крыльца курили два постовых. Я знал это здание. В две тысячи двадцать шестом там была стоматология «Улыбка».

Внутри пахло хлоркой, табаком и мокрыми сапогами. В дежурной части орало радио, передавали репортаж из Москвы. Дежурный, толстый старшина с лицом обиженного моржа, поднял на меня глаза.

- Громов, тебя Бородин обыскался. Второй этаж, как будто сам не знаешь.

- Спасибо, - сказал я.

Старшина уставился на меня так, словно я сказал ему что-то неприличное. Видимо, лейтенант Громов «спасибо» говорил нечасто.

На втором этаже был коридор с крашеными в зелёный стенами и доской почёта. На доске висели фотографии передовиков, и я с интересом нашёл среди них себя. То есть Громова. Он смотрел в объектив так, будто его фотографировали для личного дела в колонии.

Дверь с табличкой «Уголовный розыск» была приоткрыта. Я толкнул её.

За столом у окна сидел мужчина лет пятидесяти. Крупный, широкий, с большой лысеющей головой и седыми усами щёткой. Рубашка с коротким рукавом, погоны капитана. Он пил чай из стакана в подстаканнике и читал «Советский спорт». Увидев меня, он отложил газету и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, широкая, как у доброго дядьки на семейном празднике.

- Явился, - сказал он. - Громов, я уж думал, тебя русалки утащили. Садись. Чаю хочешь?

- Хочу, - сказал я и сел на стул напротив.

Бородин налил мне из большого эмалированного чайника. Положил три куска сахара, не спрашивая. Подвинул тарелку с сушками.

- Ешь. Небось не завтракал. Эх, молодёжь. Мухин тебе рассказал?

- В общих чертах.

- В общих чертах, - повторил Бородин с удовольствием. - Ты у нас сегодня прямо дипломат. Значит, так. Сомов Фёдор Игнатьевич, шестьдесят два года, сторож заводского склада. Ночью, около четырёх, его нашли без сознания у задних ворот. Голова разбита. Нашёл сменщик, пришёл пораньше, повезло деду. Сейчас в горбольнице, в реанимации. Врачи говорят, может выкарабкаться, а может и нет.

- Что с воротами?

- Ворота закрыты. Замок цел. Склад опечатан, печать на месте. Лапин с утра примчался, всё проверил, говорит, ничего не пропало.

- А зачем тогда бить сторожа?

Бородин развёл руками.

- А зачем вообще людей бьют? Выпили ребятки, пошли искать приключений, дед им что-то сказал. Он у нас языкастый был, Игнатьич. Ну, они его и приложили. У нас тут, Лёша, не Чикаго. Мы тут ковбоев не видали. Хулиганье, пьянь, ну иногда кто жену топором. Всё.

Он говорил спокойно, ласково, как с ребёнком. И смотрел на меня поверх стакана. Глаза у него были светлые, голубые, выцветшие.

Я смотрел на его руки. Большие, с толстыми пальцами, на правой синела старая наколка, якорь. Руки держали стакан аккуратно, почти нежно.

Этот человек подпишет заключение о смерти Громова. О моей смерти. Сорок шесть лет назад, то есть через три недели.

Может быть, он просто ленивый. Может быть, он закрыл дело, потому что хотел закрыть. Так бывает, я видел сотни таких дел. Никто не хочет всяк, особенно когда есть удобный покойник. Это ещё не значит, что он убийца.

Но я запомнил якорь.

- Поедем на завод? - спросил я.

- Поедем, - согласился Бородин. - Туманов велел лично. Он у нас сегодня нервный, у него жена в Москву на Олимпиаду не попала, так он на нас отыгрывается. Мухин! - заорал он в коридор. - Мухин, заводи свою колесницу!

Так я окончательно запомнил, что лопоухого сержанта зовут Мухин.

Завод «Импульс» делал какую-то радиоаппаратуру. Какую именно, в городе знали все и никто, потому что половина цехов была «почтовым ящиком». Официально завод выпускал конденсаторы, реле и радиолы «Урал». Неофициально, как сказал мне Мухин, пока мы ехали, «такие штуки для ракет, что если скажу, меня посадят».

Задние ворота выходили на пустырь, заросший лопухами. За пустырём начиналась улица Заводская, а в её конце, я знал это, стоял Старый мост. Отсюда до него было минут десять пешком.

У ворот нас ждал худой высокий человек в светлом костюме и соломенной шляпе. Лет пятидесяти, с аккуратными седыми висками и золотыми часами на запястье. Он пожал Бородину руку, как старому другу.

- Семён Ильич, дорогой. Ну что за напасть. Бедный Фёдор Игнатьевич. Я уже позвонил в больницу, сказал, чтобы всё лучшее, лекарства любые, хоть из Свердловска. Завод оплатит.

- Аркадий Семёнович Лапин, заместитель директора по снабжению, - представил его Бородин. - А это Громов, наш молодой кадр.

Лапин протянул мне руку. Рука была сухая и прохладная.

- Очень приятно. Молодым везде у нас дорога, как говорится.

Он улыбался. Все здесь улыбались.

Я осмотрел ворота. Высокие, железные, выкрашенные зелёной краской. Замок амбарный, висячий, целый. Я присел и посмотрел на землю. Земля у ворот была плотная, утоптанная, ещё влажная после вечернего дождя. На ней отчётливо виднелись следы шин. Широкие, с крупным протектором. Грузовик. Следы уходили в ворота и выходили обратно.

- Здесь ночью была машина, - сказал я.

- Здесь каждый день машины, - сказал Лапин. - Это же хозяйственный въезд. Грузовики туда-сюда, с утра до вечера.

- А ночью?

- Ночью склад закрыт, молодой человек.

- Тогда почему следы свежие? - Я показал пальцем. - Видите, края не осыпались. Вчера вечером в семь часов был дождь, короткий. Следы поверх дождя. Значит, машина прошла после семи. А если склад закрыт с шести...

Я осёкся. Бородин смотрел на меня с интересом. Лапин смотрел на меня без улыбки.

Я вспомнил, что лейтенант Громов, судя по доске почёта, не выглядел человеком, который читает протекторы. И дождь я знал не потому, что видел, а потому что лужи во дворе утром ещё не высохли. Слишком много для первого дня.

- Ну, может, кто-то из водителей задержался, - сказал я уже мягче. - Проверить бы путевые листы.

- Проверим, - сказал Бородин. - Всё проверим, Лёша. Молодец. Глаз-алмаз.

Он хлопнул меня по плечу. Тяжело, по-отечески.

- Аркадий Семёнович, путевые листы дадите?

- Конечно, конечно. - Лапин снова заулыбался. - Всё, что нужно следствию.

Тут от проходной к нам направилась девушка. В джинсовой юбке, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, с блокнотом в руке и сумкой через плечо. Короткая стрижка, острый нос, очки в тонкой оправе. Она шла так, будто собиралась кого-то арестовать.

- Бородин, - сказала она без всякого «здравствуйте». - Мне сказали, у вас тут чуть не убили человека, а в сводке пишут «хулиганские действия». Это как понимать?

- Лидия Андреевна, - вздохнул Бородин. - Солнышко моё. У нас Олимпиада, праздник спорта. Какое убили? Дед подрался с пьяными. Напиши про наших передовиков.

- Про передовиков пусть «Правда» пишет. А я пишу в «Нижнереченскую правду» и хочу знать, что происходит в моём городе. - Она повернулась ко мне. - А вы кто?

- Громов, - сказал я.

- Я знаю, что Громов. Я вас на доске почёта видела. Вы там похожи на рецидивиста. Я спрашиваю, вы что думаете?

Я разглядывал её. Упрямый подбородок, чернильное пятно на пальце, очки, сползающие на нос. Мне она понравилась. Сразу, как нравятся люди, которые не боятся задавать вопросы.

- Я думаю, - сказал я, - что пьяные хулиганы редко бьют людей у запертых ворот в четыре утра. Им лень так далеко ходить.

Лида Королёва, так её звали, как я узнал позже, прищурилась. Бородин закашлялся. Лапин смотрел в сторону, на пустырь.

И тут я увидел её.

Метрах в тридцати, у забора, стояла девчонка лет семнадцати. Худенькая, в ситцевом платье в горошек, с чёлкой, падающей на глаза. На шее у неё висел фотоаппарат «Зенит» в коричневом кожаном футляре. Она смотрела на нас, на ворота, на Лапина. Смотрела очень серьёзно, закусив губу.

Смешные уши. Чёлка.

Фотография на бабушкином серванте. Каждое утро, влажной тряпочкой, сорок лет подряд.

У меня остановилось сердце. Не в переносном смысле. Оно на секунду действительно замерло, как часы «Полёт», а потом заколотилось так, что зашумело в ушах.

Девчонка подняла фотоаппарат, навела его на ворота и нажала на спуск.

Щелчок затвора прозвучал в тишине, как выстрел.

Глава 4. Улица Мира, двенадцать

Я не помню, как дошёл до забора. Помню только, что Бородин что-то крикнул мне в спину, а Лида Королёва сказала: «Ну вот, испугали ребёнка».

Девчонка опустила фотоаппарат и посмотрела на меня без всякого испуга. Скорее с любопытством.

- Здравствуйте, Алексей Николаевич, - сказала она.

Она меня знала. То есть знала Громова.

- Здравствуй, - сказал я. Голос сел, и пришлось прокашляться. - Таня.

- Вы меня помните? - Она обрадовалась. - Вы же мне велосипед нашли в мае. «Орлёнок». Его Сашка Пеньков угнал, а вы его за ухо привели. Папа потом говорил, что вы единственный милиционер в городе, который работает.

Вот, значит, как Громов был знаком с Самариными. Я мысленно поблагодарил лейтенанта.

- Помню, - сказал я. - Как велосипед? Не угоняют больше?

- Не угоняют. Я его теперь на цепь сажаю, как собаку.

Она засмеялась. У неё был смешной смех, с подвизгиванием, как у щенка. На фотографии в бабушкиной рамке она не смеялась. Там она была серьёзная, торжественная, какой её, наверное, сфотографировали для выпускного альбома.

Я смотрел на неё и не мог насмотреться. Живая. Загорелая, с облупленным носом, с царапиной на локте. В волосах, над левым ухом, поблёскивала заколка. Бабочка, металлическая, с синей эмалью на крыльях.

Металл, синяя эмаль. Опись вещей, найденных при трупе.

- Красивая заколка, - сказал я.

Таня машинально тронула её рукой.

- Мама подарила. На выпускной. Она из ГДР, мамина подруга привезла. Вы что так смотрите? У меня что-то на лице?

- Нет. Ничего. Солнце в глаза.

- А, - сказала она. - А я думала, вы опять ругаться будете, что я тут фотографирую. В прошлый раз ваш сержант меня прогонял от вокзала. Говорит, нельзя, объект стратегический. А там просто паровоз стоял.

- А что ты тут снимаешь?

Она на секунду замялась. Я это заметил. Двенадцать лет на земле учат замечать такие секунды.

- Серию, - сказала она. - «Мой город». В ДК конкурс объявили, областной, к Дню строителя. Лучшие снимки в Свердловск отправят, на выставку. Я хочу про завод. Про ворота, про людей. Юрий Маркович говорит, у меня глаз есть.

- Юрий Маркович?

- Ханин. Он у нас кружок ведёт. Фотолабораторию в ДК. Он чудной немножко, но хороший.

Сзади подошла Лида Королёва, на ходу убирая блокнот в сумку.

- Громов, вас там Бородин зовёт. Говорит, если вы ещё пять минут будете с детьми беседовать, он вас в участковые переведёт. В деревню Кукуево. - Она посмотрела на Таню. - Привет, Самарина. Опять снимаешь?

- Здравсьте, Лида.

- Покажешь потом, что получилось. Может, в газету возьмём. - Лида перевела взгляд на меня и добавила тише: - А вы молодец. Про ворота. Он вам этого не простит.

Она ушла, прямая, как штык.

Остаток дня прошёл как в тумане. Мы вернулись в отдел. Бородин диктовал мне протокол осмотра, и я писал его шариковой ручкой, которая мазала. В моё время был принтер, а тут бланк, копирка и почерк Громова, ужасный, так что подделывать его было нетрудно.

Путевые листы Лапин прислал к вечеру. Все грузовики вернулись в гараж до шести. Никаких ночных рейсов. Всё чисто, всё подписано.

- Вот видишь, - сказал Бородин, собираясь домой. - А ты - следы, протекторы. Шерлок Холмс. Иди отдыхай, Лёша. Сегодня Олимпиада, открытие, по телевизору покажут. Небось у бабки твоей телевизора нет? Приходи ко мне, у меня цветной, «Рубин». Клава пирогов напекла.

- Спасибо, Семён Ильич. Я лучше пройдуся.

- Ну, как знаешь.

Я прошёлся. Ноги сами принесли меня на улицу Мира.

Дом номер двенадцать был не бараком в сайдинге, а новым двухэтажным домом, оштукатуренным и покрашенным в жёлтый. Под окнами палисадник: георгины, золотые шары, сложенная скамейка. У подъезда стоял велосипед «Орлёнок», пристёгнутый цепью к трубе.

Я стоял и не знал, что делать дальше. Зайти? С какой стати? Лейтенант милиции, пришедший вечером в субботу к семье, с которой знаком по делу об угнанном велосипеде.

Меня выручил мяч.

Он вылетел из-за угла дома и ударил меня по ноге. За ним выскочил мальчишка лет десяти. Худой, стриженный под машинку, с оттопыренными ушами, в сандалиях на босу ногу и в майке с надписью «Динамо». Коленки зелёные от травы.

Он увидел форму и остановился как вкопанный.

- Я не нарочно, - сказал он быстро.

Я узнал его. Не по лицу, лица детей меняются. По тому, как он тёр нос тыльной стороной ладони. Отец делал так до самой смерти. Когда нервничал, когда врал, когда смотрел футбол.

Витька. Виктор Павлович Самарин. Папа.

Мне пришлось присесть на корточки, будто для того, чтобы поднять мяч. Если честно, просто не держали ноги.

- Держи, - сказал я и протянул ему мяч.

Он взял и не уходил. Смотрел на мою кобуру.

- А у вас пистолет настоящий?

- Настоящий.

- «Макаров»?

- «Макаров».

- А вы из него убивали кого-нибудь?

- Нет, - сказал я. - И не хочу.

Витька разочарованно шмыгнул носом. Видимо, милиционер, который не хочет никого убивать, в его картине мира был недоразумением.

- Витя! - раздалось сверху. - Витька, домой! Сколько раз звать?

В окне второго этажа появилась женщина. Полная, темноволосая, в фартуке. Лет сорока. Руки в муке.

Я не видел бабушку такой. Никогда. Я помнил её старой, седой, согнутой, с дрожащими пальцами, которыми она протирала рамку. А тут стояла крепкая, красивая женщина с громким голосом и ямочками на щеках.

- Ой, - сказала она, увидев меня. - Это же вы. Который с велосипедом. Алексей? Витька, ты что натворил опять?

- Ничего я не натворил! Я мяч уронил.

- Он ничего, - сказал я. - Я мимо шёл. Хотел узнать, как велосипед.

Бабушка помедлила секунду, а потом решительно махнула рукой.

- Поднимайтесь. Я пироги пеку, как раз с капустой. И Павел дома. Витька, проводи.

Я не помню, как поднялся по лестнице. Помню запах. Пахло пирогами, жареным луком и хозяйственным мылом. Этот запах я знал с детства, из бабушкиной квартиры, только там к нему потом примешивался запах корвалола.

Дед сидел за столом в майке и читал «Известия». Крупный, скуластый, с густыми бровями и руками, пахнущими машинным маслом. Именно так я его и запомнил. Он поднял голову и протянул мне руку.

- Павел. Садитесь. Ниночка, неси.

Мы пили чай из чашек с золотым ободком. Бабушка подкладывала мне пироги и спрашивала, женат ли я. Витька сидел рядом и не сводил глаз с кобуры. Дед молча слушал, изредка хмыкая. На стене висел ковёр с оленями. На серванте стоял телевизор «Рекорд», накрытый вязаной салфеткой, а на нём фарфоровая балерина.

Потом пришла Таня.

- Ой, - сказала она с порога. - Алексей Николаевич? А вы что тут делаете?

- Пироги ем, - честно сказал я.

Все засмеялись. Даже дед.

В восемь включили телевизор. Шло открытие Олимпиады. На чёрно-белом экране по стадиону маршировали спортсмены, трибуны складывали картинки из цветных щитов, которых мы не видели, потому что экран был серый. Бабушка вытирала глаза фартуком. Дед сказал: «Ну, молодцы, умеют». Витька кричал «ура» всякий раз, когда показывали наших.

А я сидел и смотрел на них. На живую бабушку. На живого деда. На десятилетнего отца, у которого впереди сорок пять лет, из которых хорошими он проживёт от силы десять. На Таню, которая сидела на подлокотнике дивана, поджав ноги, и грызла ноготь.

Витька потом, когда бабушка ушла на кухню, наклонился ко мне и прошептал:

- А вы плавать умеете?

- Умею. А что?

- А я не умею. - Он покраснел до ушей. - Меня пацаны дразнят. Говорят, утопленник. Папа говорит, само придёт, а оно не приходит.

- Научу, - сказал я, не раздумывая. - В следующее воскресенье, если хочешь. Договорились?

Он посмотрел на меня как на Деда Мороза.

Уходил я в десятом часу. Таня вызвалась проводить до угла. На улице было тепло, пахло липой и дымом. Где-то играл магнитофон, хриплый Высоцкий пел про коней привередливых.

У фонаря Таня остановилась. Посмотрела по сторонам, будто нас кто-то мог подслушать.

- Алексей Николаевич, - сказала она тихо. - Я вам потом кое-что покажу. Когда напечатаю. Там такое получилось... Я сама не поняла. Может, ерунда. А может, и нет.

- Что получилось, Таня?

Но она уже развернулась и побежала обратно, к подъезду, стуча сандалиями по асфальту.

Глава 5. Апельсины для сторожа

Ночью я не спал. Лежал на железной кровати Громова, слушал, как за стеной храпит баба Шура, и смотрел в потолок на Австралию.

Бабу Шуру звали Александра Прокофьевна Зуева. Это я выяснил из квитанции за свет, прибитой гвоздиком к косяку. Громов снимал у неё комнату за двадцать рублей в месяц, с завтраком. Кот Маршал спал у меня в ногах и во сне дёргал лапой, будто гнался за кем-то.

Около часа ночи я встал, зажёл настольную лампу и нашёл в столе общую тетрадь в клеёночато́й обложке. Первые страницы были исписаны Громовым: конспекты по уголовному праву, адреса, телефоны, какие-то «Пенек С. - велосипед - вернуть» и «Купить носки». Я вырвал чистый лист из середины и начал писать. Мелко, своим почерком, который в этом теле получался кривым, как у первоклассника.

Что я знаю.

Первое. Ночь с девятого на десятое августа. Таня уходит из дома, её видят у ДК около десяти вечера. Больше её не видит никто.

Второе. Утром десятого Громова находят под Старым мостом. Утонул. Алкоголь в крови. Ссадина на затылке. Часы остановились в три сорок. В кармане Танина закладка.

Третье. Свидетели говорят, что Громов «проявлял интерес» к Тане. Кто свидетели? Не помню фамилий. Помню, что двое. Надо было читать внимательнее, Самарин.

Четвёртое. Дело закрывает Бородин. Быстро, за три недели. Громов признан виновным посмертно.

Пятое. В ночь, когда я здесь появился, на заводе кто-то ударил сторожа. У ворот были следы грузовика. Лапин говорит, ничего не пропало. Бородин говорит, хулиганье.

Шестое. Таня что-то сфотографировала. «Там такое получилось».

Я посмотрел на список. Потом взял ручку и соединил пятое и шестое стрелкой. Потом подумал и провёл стрелку от шестого к первому.

Если Таня что-то сфотографировала у завода, и это что-то кому-то сильно не понравилось... Тогда всё складывается. Не сразу, не целиком, но складывается. Девчонка с фотоаппаратом увидела то, чего не должна была. Лейтенант, который начал задавать вопросы. Ночь, мост, река. Двое свидетелей, которые что-то там видели. Удобное заключение.

А может, я просто вижу то, что хочу видеть. Так тоже бывает. Опер, который влюбился в версию, хуже слепого.

Я сложил листок вчетверо и спрятал его за подкладку кителя.

Утром в воскресенье я пошёл в больницу.

Нижнереченская городская больница была трёхэтажным зданием с колоннами и облезлыми львами у входа. Во дворе гуляли больные в полосатых пижамах, кто-то играл в домино на лавочке. Пахло хлоркой и кипячёным молоком.

В хирургии, на посту, сидела медсестра в белом халате и шапочке. Она подняла голову, и я чуть не споткнулся.

- Алексей? - удивилась бабушка. - Вы что, заболели?

- Нет, Нина Григорьевна. Я по работе. К Сомову. Сторожу.

- А, к Игнатьичу. - Она сразу стала серьёзной. - Он у нас в третьей палате. В себя пришёл ночью, я дежурила. Слабенький, но разговаривает. Врач сказал, недолго только. Пойдёмте.

Мы шли по коридору, и я смотрел на неё сбоку. На её уверенную походку, на крепкие руки, на выбившуюся из-под шапочки прядь. Она работала в этой больнице до самой пенсии. Я знал это из рассказов. А после десятого августа она стала другим человеком. Отец говорил, что она перестала петь. До этого пела всегда, за готовкой, за стиркой, даже в очереди. А потом перестала. Навсегда.

- Вы на Таньку не сердитесь, - вдруг сказала бабушка. - Она вчера вам весь вечер про свой конкурс рассказывала... Она у нас бойкая. Отец её избаловал. Всё с фотоаппаратом бегают, лезет куда не надо. Я ей говорю: девочка, выйдешь замуж, будешь детей фотографировать. А она: мама, я буду в журнале «Огонёк» работать. Представляете?

- Представляю, - сказал я. - А может, и будет.

Бабушка вздохнула и открыла дверь палаты.

Игнатыч лежал у окна. Маленький, высохший старик с забинтованной головой. Лицо серое, губы синие, нос острый. Рядом капельница на железной стойке. Он смотрел в потолок и шевелил губами, будто считал что-то.

- Фёдор Игнатьевич, - позвала бабушка. - К вам из милиции.

Старик медленно повернул голову. Глаза у него были мутные, но живые.

- Громов я, - сказал я и сел на табуретку. - Уголовный розыск. Фёдор Игнатьевич, вы помните, что случилось?

Он долго молчал. Потом облизнул губы.

- Машина, - прошептал он. - Грузовик. Ночью. Я вышел. Думал, воры. А там...

- Что там?

- Там свои. - Он закрыл глаза. - Я им: вы чего, ребята, ночью? А один говорит: иди, дед, спи. Не твоё дело. А я говорю: как не моё? Я тут сторож. А потом... сзади...

- Кто был? Вы их узнали?

Он снова открыл глаза. В его взгляде было что-то такое, от чего у меня по спине побежали мурашки. Страх. Не боль, не растерянность, а страх.

- Свой был, - прошептал он еле слышно. - В фуражке. Рубашка форменная. Я видел, фонарь горел. Со спины только. А водитель... Жук.

- Какой жук?

Но старик уже закрыл глаза. Бабушка тронула меня за плечо.

- Хватит, Алексей. Он устал. Приходите завтра.

Я вышел в коридор и прислонился к стене. В фуражке. Рубашка форменная. Свой.

Милиционер? Вахтёр? Железнодорожник? Форменные рубашки носила половина Советского Союза. Лётчики, связисты, лесники. Но Игнатыч сказал «свой». Так не говорят про лесника.

А «жук»? Кличка? Фамилия? Жуков, Жуковский, Жучков?

Я записал в блокнот и то, и другое.

Днём меня нашёл Бородин. Прямо у бабы Шуры во дворе. Приехал на своей машине, новеньких красных «Жигулях» шестой модели. Машина сверкала на солнце, как пожарная. Мальчишки со всего двора сбежались на неё смотреть.

- Лёша, - сказал Бородин, высунувшись в окно. - Хватит сидеть сиднем. Воскресенье! Поехали пивка попьем.

Отказываться было нельзя. Я сел.

Пивной ларёк на берегу реки назывался «Голубой Дунай», хотя вывески на нём не было, и был он зелёный. Очередь из мужиков в майках, кружки, которые мыли тут же в ведре. Кружка пива двадцать две копейки. Бородин здесь знали все. Он взял четыре кружки без очереди, никто не пикнул, и мы встали за столиком-грибком у самой воды.

- Слышал, ты в больнице был, - сказал Бородин, сдувая пену.

Быстро. Очень быстро. Я там был три часа назад.

- Был. Сторож в себя пришёл.

- И что говорит?

Я перевёл взгляд на реку. Нижняя Реча текла медленно, лениво, блестя на солнце. Выше по течению, метрах в пятистах, чернел Старый мост. Отсюда он казался игрушечным.

- Ничего толком, - сказал я. - Бредит. Машину какую-то видел.

Бородин кивнул и сделал большой глоток.

- Лёша, я тебе как отец скажу. Ты парень хороший. Толковый. Но у тебя есть одна беда: ты любишь всё усложнять. Дед подрался с пьяными. Или упал сам. Ему шестьдесят два, он выпивает, все знают. А ты уже заговор ищешь. Не надо. Жизнь, она проще. Как река. Течёт себе и течёт. Не надо против течения грести, руки устанут.

Он улыбнулся и хлопнул меня по спине. Тяжело, по-отечески. Я смотрел на якорь на его руке.

- Понял, Семён Ильич, - сказал я.

- Вот и молодец. Пей давай.

Я пил тёплое, кисловатое пиво и думал о том, что за двенадцать лет на земле ни разу не слышал, чтобы начальник розыска уговаривал подчинённого работать меньше.

В понедельник утром я пришёл в отдел к восьми. В коридоре меня встретил Мухин. Лицо у него было растерянное.

- Алексей Николаевич, - сказал он. - Игнатич умер. Ночью. В четыре утра.

Я застыл.

- Как умер? Вчера он разговаривал.

- Врачи говорят, сердце. Возраст. Семён Ильич уже заключение запросил. Говорит, теперь дело и вовсе закрыть можно. Нет потерпевшего, нет дела.

Я прошёл мимо него к выходу. Мне нужен был воздух.

На крыльце стояла Лида Королёва. В той же клетчатой рубашке, с сигаретой «Стюардесса» в пальцах. Она ждала меня. Я понял это по тому, как она выпрямилась, увидев меня.

- Громов, - сказала она. - Вы знаете, что Сомов умер?

- Знаю.

- А вы знаете, что за час до смерти к нему приходил посетитель? В три часа ночи. Когда посещения запрещены.

Я обернулся к ней.

- Откуда вы знаете?

Лида бросила сигарету и растоптала её носком туфли.

- Моя тётка санитаркой там работает. Она его видела. Мужчина. Принёс апельсины. - Она помолчала. - Апельсины, Громов. В Нижнереченске. В июле. Вы когда в последний раз видели в нашем гастрономе апельсины?

Глава 6. Водонапорная башня

Мы сели на лавочку в сквере напротив отдела, под памятником Ленину. Ленин показывал рукой на гастроном, где апельсинов не было с Нового года.

- Рассказывайте, - сказал я.

Лида достала блокнот, хотя всё помнила и так. Это у неё была привычка, как у меня вертеть в пальцах спичку.

- Тётя Зина дежурила ночью на этаже. В начале четвёртого она пошла в процедурную, мыть банки. Возвращается, а по коридору идёт мужчина. Высокий, в светлом плаще, шляпа на глаза. В руках кулёк. Она решила, что это врач из Свердловска, их иногда вызывают к тяжёлым. Он зашёл в третью палату. Минут через десять вышел и ушёл по чёрной лестнице. Утром, когда убирали палату, на тумбочке нашли апельсины. Три штуки. Тётя Зина один взяла себе, она мне его показывала. Марокканский. С наклейкой.

- Лицо видела?

- Нет. Говорю же, со спины. Высокий, плечи широкие. Шёл быстро. Всё.

- А дежурный врач? Вахта?

- Вахтёрша спала. Дежурный врач был в приёмном покое, там привезли кого-то с аппендицитом. - Лида повернулась ко мне. - Громов, я не дура. Шестидесятидвухлетний старик, которого врачи вечером называли «стабильным», умирает через час после ночного визита человека, который ходит по больнице, как у себя дома. С апельсинами. А ваш Бородин пишет «сердечная недостаточность» и закрывает дело.

- Он ещё не закрыл.

- Закроет. - Лида убрала блокнот. - Я его знаю. Он тут двадцать лет. Он всё закрывает. У нас самый низкий уровень преступности в области. Его на совещаниях хвалят.

Я молчал. Лида смотрела на меня сбоку, внимательно, будто решала, стоит ли мне доверять.

- Почему вы мне это рассказываете? - спросил я. - Я же тоже из этой конторы.

- Потому что вы в субботу при Лапине сказали про ворота, - просто ответила она. - Здесь так никто не говорит. Здесь все говорят «хулиганье» и идут пить пиво.

Я вспомнил «Голубой Дунай», и мне стало неловко.

- Лидия Андреевна...

- Лида.

- Лида. Сторож перед смертью сказал мне одно слово. «Жук». Вы знаете кого-нибудь с такой кличкой?

Она даже не задумалась.

- Только Жуков. Жук. Шофёр на «Импульсе», Лапина возит. Сидел лет пять назад, за драку. Его все знают, он на рынке в пивной вечно торчит. Здоровый такой, рыжий. - Она вдруг прищурилась. - Подождите. Лапинский шофёр?

- Лапин прислал путевые листы. Все грузовики вернулись в гараж до шести вечера.

- Путевые листы, - сказала Лида с таким презрением, будто я показал ей справку от Деда Мороза. - Громов, в этом городе путевой лист пишется за бутылку. Вы что, вчера родились?

Я чуть было не сказал: «В некотором смысле да», но сдержался.

В отделе меня ждало ещё одно. Мухин, всё ещё расстроенный из-за Игнатича, сунул мне бумажку.

- Вот, Алексей Николаевич. Бородин велел вам передать. Сигнал. Гражданка Пряхина, улица Заводская, дом три. Жалуется, что в ночь на субботу, часа в четыре, под окнами трещал мотоцикл. Мешал спать. Она выглянула, видела парня на мопеде, лохматого. Говорит, это

Рябов Костя, его вся улица знает, он с гитарой ходит, песни орёт. Семён Ильич говорит: вот тебе твои хулиганы. Иди, говорит, раскалывай.

Интересно, подумал я. Бородин, который вчера уговаривал меня ничего не усложнять, сегодня сам подсовывает мне подозреваемого. Лохматого парня на мопеде.

- Где этого Рябова найти?

- Так у гаражей. За баней. Они там с пацанами каждый вечер сидят. Магнитофон, гитара, всё такое. Хотите, поеду с вами?

- Не надо. Сам.

Гаражи за баней оказались рядом железных коробок, покрашенных в разные цвета. В одной из них, с открытыми воротами, горела лампочка. Внутри стоял разобранный мопед «Рига», на верстаке магнитофон «Маяк», из которого хрипела «Машина времени»:

- Вот, новый поворот, и мотор ревёт...

Вокруг сидели трое парней. Двое были обычные, а третий выделялся сразу. Длинные волосы до плеч, джинсы, явно самопальные, с заклёпками, рубашка навывпуск. Худой, с упрямым ртом. В руках гитара с наклейкой «Boney M».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.